

политика

С.А.Кучеренко

ПОНЯТИЕ ВЛАСТИ/МОГУЩЕСТВА И ЕГО ТРАНСФОРМАЦИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ РЕАЛИЗМЕ¹

¹ В работе использованы результаты проекта «Этика и право: соотношение и механизмы взаимовлияния», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2022 г.

Сергей Анатольевич Кучеренко — аспирант Школы философии и культурологии факультета гуманитарных наук, стажер-исследователь Центра фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Для связи с автором: oldjeffrey93@gmail.com.

Аннотация. Статья посвящена анализу трансформации понятия *power* в политическом реализме. В последние десятилетия в теории международных отношений начал складываться консенсус относительно характера этой трансформации. Согласно все более популярной точке зрения, классические реалисты, прежде всего Ганс Моргентау, трактовали *power* как властные отношения двух индивидов, обладающие психологическим и нормативным измерениями. Реформа реализма, осуществленная Кеннетом Уолцем и другими структуралистами, лишила *power* этих аспектов, превратив ее в исчисляемое материальное *могущество*.

Критики структурного реализма представляют подобное переосмысление как обеднение и выхолащивание понятия, чреватое опасными последствиями для международно-политической науки. Структурный реализм в их глазах есть не более чем замаскированная идеология силовой политики, которую можно и нужно преодолеть путем возвращения к истокам реалистской традиции и использования классических понятий, предположительно более богатых и глубоких.

Проведенное автором исследование показывает, что трансформация понятия *power* была обусловлена не столько идеологическими, сколько объективными причинами — в эпоху количественных методов попытки определять *power* как нечто неисчисляемое воспринимались как отказ от «научности». При этом в самом классическом реализме уже содержались предпосылки подобного взгляда на *power*, которая во многом трактовалась как *могущество*. На общем фоне несколько выделяется подход Моргентау к определению этого понятия, но не принципиально. Вместе с тем понятие *power* у Моргентау в исходной его формулировке плохо применимо в качестве аналитического инструмента, выявляя ряд противоречий и сложностей, связанных с онтологическим измерением проекта политического реализма.

Ключевые слова: власть, могущество, теория международных отношений, политический реализм, Ганс Моргентау

Последние годы создали немало поводов для разговоров о непреходящей актуальности политического реализма в международных отношениях. Пандемия, начавшаяся в 2020 г., вернула в обсуждение вопрос о соотношении корысти и сотрудничества во взаимодействиях суверенных государств. События в Украине в 2022 г. заставили вспомнить о неизменных и суровых «законах» силовой политики. Но в настоящей статье речь пойдет не об оценке претензий реалистов на вечную актуальность. Вместо этого мы воспользуемся возросшим интересом к этому направлению в теории международных отношений, чтобы обратить внимание на более узкий сюжет — на эволюцию центрального для него понятия *power*.

Перевод понятий — одна из сложнейших проблем в любой области знания. Именно в момент перевода отчетливее всего обнаруживается, как много разных смыслов может скрываться за одним и тем же словом. В полной мере это относится и к понятию *power*, которое передается на русском языке множеством терминов. Однако предметом нашего исследования является не проблема выбора наиболее точного эквивалента (этому посвящено немало работ²), а то, какие значения принимает данное понятие на языке оригинала в рамках единой научной традиции. Эти значения невозможно передать одним русским словом. *Power* попеременно обозначает то *власть*, то *могущество*. Спектр ситуативных значений охватывает от «авторитета» до «способности». Поэтому в тексте статьи мы будем по преимуществу использовать слово *power*, а не какой-то из его эквивалентов на русском.

Политический реализм в теории международных отношений в его современной форме зародился в ходе споров 1910—1930-х годов о возможности положить конец военным конфликтам, устранив их (предполагаемую) основную причину. В противоположность тем, кто видел ключ к вечному миру в правильных институтах, моральном воспитании либо экономическом развитии, реалисты придерживались тезиса о неотвратимости войн, рассматривая их как неизбежный эффект политики, понятой как борьба за *власть*. Таким образом, понятие *power* является одним из базовых для политического реализма³. Не исключено, что именно по причине его «самоочевидности» оно долгое время не удостоивалось должного внимания со стороны самих политических реалистов⁴.

После окончания холодной войны политический реализм стал объектом всеобъемлющей критики как теория, постулировавшая стабильность биполярной системы международных отношений и не сумевшая предсказать ее внезапное крушение. Мы не будем здесь касаться вопроса о том, насколько справедлива такая критика и делали ли реалисты заявления, которые могло бы опровергнуть завершение холодной войны. Для нас важен сам факт тотальной ревизии реализма. Не избе-

² См. Литвинов и Смирнова 2021.

³ Walt 2002; Baldwin 2016: 123—125.

⁴ Guzzini 1993; Walt 2002.

жало ее и понятие *power*. По мнению оппонентов, в ходе развития реализма оно подверглось выхолащиванию или даже подмене — слово, которое можно было перевести на русский как «власть» или «авторитет», превратилось в эквивалент «могущества». Утверждается, что термин, который в середине столетия указывал на нечто сложное, обладающее психологическими и этическими обертонами, к концу 1970-х годов выродился в обозначение «материальных возможностей», буквально — количества танков и цистерн с керосином. Подобный взгляд на *power* квалифицируется как крайне бедный, игнорирующий множество факторов⁵. С точки зрения критиков, неореализм упростил понятие *power*, сведя проблему власти/могущества к грубой силе, которую можно описать с помощью цифр. Некоторые авторы, такие как Ричард Нед Лебоу или Даниэль Гарст, ищут решение проблемы в обращении к античности, подвергая сомнению адекватность рецепции Фукидида в политическом реализме. Другие, в частности Феликс Рёш и Хартмут Бер, используют в качестве точки отсчета классический реализм середины XX в., прежде всего концепцию Ганса Моргентау. В их глазах понятие *power* у Моргентау включает в себя сильную нормативную, даже духовную составляющую, что не позволяет свести его к характерному для неореалистов представлению о *power* как о способности физического воздействия⁶. Соответственно, предполагается, что, вернувшись к более богатым понятиям прошлого, современные исследователи смогут переосмыслить и современный реализм, вырвавшись из ловушки цинизма и пессимизма.

⁵ Ashley 1984: 225; Smith 1986; Garst 1989; Williams 2005; Lebow 2008: 556—557.

⁶ Behr and Rösch 2012: 47—48.

Несмотря на ценность данной критики в историческом контексте, ей присущ целый ряд недостатков, важнейшим из которых является ангажированность. Наличие позитивной нормативной программы нередко приводит к попыткам «разоблачить» неореализм как идеологию при выведении за скобки сугубо теоретических соображений самих неореалистов. Многие из упомянутых авторов не идут в своей критике дальше простой декларации, что «физическая способность» (*material capability*) — это слишком просто по сравнению с Фукидидом либо Моргентау; Бер же изображает Кеннета Волца в качестве идеолога сильного централизованного государства, чуть ли не шмиттианца⁷. На наш взгляд, отбрасывать представление о власти как о *material capability*, закрыв глаза на важные научные достоинства такого ее понимания, — поспешный шаг, результат нежелания принять во внимание аргументы противоположной стороны. Изменение содержания понятия *power* не было ни следствием лени, ни злым умыслом.

⁷ Behr 2016: 200—201.

Для обоснования этого тезиса мы сначала рассмотрим определение *power* у Моргентау и других классиков политического реализма и постараемся зафиксировать, какое место занимает это определение в историческом контексте, а затем обратимся к тому, как аргументируют трансформацию понятия неореалисты. В заключительной части статьи мы вернемся к представлениям Моргентау и подробнее проанализируем те проблемы, которые возникают при практическом применении его трактовки *power* в рамках его собственной теории.

**Понятие *power*
в классическом
реализме**

Классический реализм возник в период между мировыми войнами как критика упований на возможность избавления от войн тем или иным способом, будь то расширение международной торговли или создание международно-правовых институтов. После Второй мировой войны реализм окончательно победил в этом теоретическом противостоянии, став господствующей школой мысли в теории международных отношений. Однако при всей привлекательности таких черт реализма, как трезвый взгляд и стремление оценивать факты как они есть, на фоне социальных наук середины XX в., делавших ставку на количественные методы и бихевиористский подход, ему недоставало научности. Рубежом, отделяющим классический реализм от нового, структурного, может считаться выход в свет в 1979 г. книги Уолца «Теория международной политики», где была предпринята попытка превратить политический реализм в системную, полностью формализованную теорию, пригодную для имплементации количественных методов. Соответственно, в качестве классического мы здесь будем рассматривать реализм до Уолца.

Главным классиком политического реализма в международно-политической науке был и остается Моргентау. Его труд «Политические отношения между народами» до сих пор является одним из обязательных текстов при изучении теории международных отношений, и именно к воззрениям Моргентау обращаются те, кто надеется перевернуть сложившиеся представления о реализме и вложить новые смыслы в старые понятия. Яркий пример — предисловие Бера и Рёша к англоязычному изданию ранней работы Моргентау «Понятие политического», впервые вышедшей в 1933 г. на французском языке и посвященной критике известного трактата Карла Шмитта. Согласно гипотезе авторов, понятие *power* в этой работе имеет двойственное значение, которое исчезает при переводе французских слов *pouvoir* и *puissance* одним английским словом, пусть даже сам Моргентау и использует его в своих более поздних сочинениях. С их точки зрения, *pouvoir* обозначает *power* в «эмпирическом» смысле — как непосредственное воздействие / возможность (*capacity/capacité*) воздействия на что-либо или преодоление сопротивления. Слово же *puissance* носит ценностно-ориентированный характер, фиксируя «намерение добровольно и согласованно действовать с целью создания общего жизненного мира»⁸, что сближает его с властью как коллективным действием из работы Ханны Арендт «О насилии»⁹ и даже авторитетом из «Понятия власти» Александра Кожева¹⁰. Таким образом, Моргентау предстает мыслителем, отстаивавшим «нормативное» понимание власти, позволяющее противостоять нигилизму сторонников силовой политики.

Однако, как мы попытались показать в одной из более ранних своих статей, представление о двойственной трактовке *power* у Моргентау лишено оснований, а французские термины в «Понятии политического» носят соподчиненный характер: *puissance* обозначает скорее совокупность всех потенциальных/актуальных *pouvoirs*, находящихся

⁸ Behr and Rösch 2012: 47—48.

⁹ Арендт 2014.

¹⁰ Кожев 2006.

¹¹ Кучеренко 2019. в распоряжении того или иного актора¹¹. Сама *power* не содержит нормативных обертонів в смысле ориентации на некие ценности, хотя может выступать ценностью *per se*. На это четко указывает, в частности, дефиниция, сформулированная Моргентау в «Политических отношениях между народами»: «Политическая власть (*political power*) — это психологическое отношение между тем, кто власть осуществляет, и тем, над кем власть осуществляется. Первому из них она дает контроль над теми или иными действиями второго посредством определенного рода воздействия на его разум (*mind*). Такое воздействие может иметь три источника: ожидание выгоды, боязнь понести ущерб и уважение к человеку либо институтам. Власть может осуществляться в форме приказов, угроз, авторитета или харизмы человека или же учреждения, а также посредством сочетания всего вышеперечисленного. В свете такого определения необходимо провести четыре различия: между властью и влиянием, между властью и силой (*force*), между устойчивой и неустойчивой властью, между легитимной и нелегитимной властью»¹².

¹² Morgenthau 1997: 32–33.

Как мы видим, определение Моргентау не оставляет «лазеек» для нормативной интерпретации и к тому же во многом сходно с веберовской трактовкой власти как способности преодолевать сопротивление. Единственным серьезным отличием от представления о *power* как о простой возможности, *capacity*, является психологичность, то, что оно предполагает отношение двух субъектов, каждый из которых обладает как минимум волей, а скорее всего, и другими атрибутами психики. Из этого следует, что *power* не измеримая величина, а ситуация, то есть носит неисчислимый характер. А значит, мы не можем судить о наличии/отсутствии *power* до разрешения той или иной ситуации. Более того, исход последней будет обусловлен восприятием ее участников, их ценностями, способностью предсказывать и планировать и т.п. На первый взгляд, такое понимание власти/могущества действительно содержит в себе огромное теоретическое богатство, особенно по сравнению с упрощениями 1970–1980-х годов. Однако, прежде чем обсуждать само это понимание, посмотрим, насколько взгляд на *power* как на психологическое противостояние двух волей характерен для классического реализма середины XX в., обратившись к мыслителям, лишь немногим уступающим по масштабу Моргентау, — Эдварду Халлетту Карру и Раймону Арону.

¹³ Carr 2016: 91–134.

В книге Карра «Кризис длиною в двадцать лет» проблеме *power* посвящен специальный раздел¹³. И хотя там нет прямого определения *power*, его содержание позволяет оценить, какой смысл вкладывается автором в это понятие. Рассуждая о том, что *power* есть необходимая составляющая силовой политики (*power politics*), Карр выделяет три ее ипостаси — военную (*military power*), экономическую (*economic power*) и власть над общественным мнением (*power over opinion*). Это разделение показывает, что за данным термином скрывается способность добиваться своего, преодолевая сопротивление, точнее — способность правящей группы сохранять привилегированное положение. И если

власть над общественным мнением, будучи одним из элементов власти/могущества, в глазах Карра почти целиком сводится к пропаганде, то военный и экономический компоненты *power* обозначают могущество, причем вполне измеримое. Таким образом, можно заключить, что в своей трактовке понятия *power* Карр существенно дальше отстоит от Арендт или Кожева, чем Моргентау, рассматривая *power* как могущество, силу принуждения, открывающую путь к достижению желаемого посредством угроз либо манипуляций.

Представление о *power* у Арона еще резче отличается от при-
сущего Моргентау. «В самом общем смысле власть (power) — это спо-
собность делать, создавать или разрушать»¹⁴, — пишет он в своей зна-
менитой книге «Мир и война между народами», при этом уделяя зна-
чительное внимание исчислимым элементам этой способности, таким
как экономика и военная сила. Во французском оригинале книги для
обозначения этой способности (*capacité*) использовано то же слово,
к которому во французский период своего творчества прибегал Мор-
гентау для наиболее общей характеристики власти/могущества, а имен-
но *puissance*. Как уже отмечалось, у Моргентау этим словом описы-
валась не некая отдельная возможность, а вся совокупность возможностей
воздействия на окружающий мир. Примечательно, что применительно
к властным отношениям *внутри* политики Арон употребляет слово *pou-
voir*, которое на этот раз указывает на власть легитимную и легальную¹⁵,
что свидетельствует о серьезном различии в содержании понятия *power*
в контексте внутренней и внешней политики.

Подведем промежуточный итог. Интерпретация *power* класси-
ческими реалистами не отличается принципиально от более поздней ее
трактовки как физической способности — *material capacity*. Несколь-
ко выделяется на общем фоне подход Моргентау, прежде всего за счет
попытки определить *power* как психологическое отношение, как си-
туацию, а не свойство акторов. Но даже у него определение *power* об-
разовано вокруг представления о преодолении сопротивления и воз-
действии на окружающий мир. В связи с этим интерес последних де-
сятилетий к Моргентау может оказаться не возвращением к корням,
а возведением на пьедестал аномального явления, обладавшего множе-
ством ограничений.

Power в структурном реализме

Обратимся теперь к представлениям о власти/могуществе в струк-
турном реализме, также известном как неореализм.

Суть возражений структурных реалистов против предложенного
Моргентау взгляда на *power* отчетливо выражена в упомянутой выше
книге Уолца «Теория международной политики», хотя непосредствен-
ным объектом критики в ней выступает не сам Моргентау, а Роберт
Даль, точнее, его статья «Понятие власти»¹⁶. Согласно Уолцу, «типичное
для Америки» понимание власти как отношения, ситуации, в которой
есть победитель и проигравшие, неприменимо в политическом анализе.

¹⁴ *Aron 2003: 47.*

¹⁵ *Ibid.: 49—50.*

¹⁶ *Dahl 1957.*

Ведь даже самые могущественные акторы не всегда в состоянии добиться желаемого, но означает ли это, что они не обладают могуществом? Нужно ли отдельно рассматривать их могущество в каждой конкретной ситуации? Представление о власти/могуществе как о некоей конечной ситуации или отношении двух и более акторов вынуждает исследователя заниматься описанием результатов, при этом от него ускользают устройство международной системы и закономерности ее функционирования, лишая его способности объяснять происходящее¹⁷. Поэтому, полагает Уолц, куда разумнее говорить о способностях или возможностях — *capabilities* (перечислению которых он посвящает немало страниц¹⁸).

¹⁷ Waltz 1979: 191—192.

¹⁸ *Ibid.*: 183—191.

Сходным образом трактует *power* Джон Миршаймер. Он тоже не дает какого-либо определения этого понятия, предпочитая сразу говорить о том, *что такое* власть/могущество. С его точки зрения, потенциальное могущество — это население и уровень экономического развития, действительное могущество — это вооруженные силы¹⁹. Вслед за Уолцем повторяет он и аргумент о том, что представление о *power* как о конкретном отношении побуждает исследователей просто описывать результаты взаимодействий государств, не пытаясь разобраться в их конкретных причинах²⁰.

¹⁹ Mearsheimer 2003: 43—46.

²⁰ *Ibid.*: 56—59.

Следует признать, что приведенные соображения структурных реалистов не лишены оснований. Рассмотрение власти/могущества в качестве измеримой величины действительно создает условия для различения работы собственно международной системы и влияния случайных факторов — задача, не поддающаяся решению, если судить о наличии *power* по результатам взаимодействий. Соответственно, в контексте системной теории подобное упрощение и выхолащивание данного понятия были почти неизбежными.

Ограниченность понятия *power* у Моргантау

Выше мы коснулись двух важных моментов, связанных с трансформацией понятия *power* в политическом реализме. Во-первых, эта трансформация была вызвана объективными причинами — в эпоху количественных методов попытки определить *power* как нечто неисчислимое воспринимались как отказ от «научности». Во-вторых, ее предпосылки содержались уже в реализме середины XX в. Характерное для классических реалистов понимание *power* было лишено тех нормативных обертонов, которые «вчитывают» в него более поздние исследователи-ревизионисты. Действительная особенность понятия *power* у Моргантау, за которую можно зацепиться, — это наличие в нем психологической и реляционной составляющей. *Power* в интерпретации Моргантау не свойство, но психологическое отношение, не поддающееся и не подлежащее измерению (либо она есть, либо ее нет), а единственный ее «нормативный» аспект заключается в том, что она может выступать в качестве самостоятельной ценности, — представление, от которого пытались отойти многие последующие реалисты.

Можно ли из этого извлечь что-то полезное для современной теории международных отношений? На наш взгляд, несмотря на всю привлекательность «психологического» анализа, подход Моргентау порождает проблемы даже при последовательном применении в рамках его собственной концепции.

Прежде всего стоит обратить внимание на то, что Моргентау не спешит провести четкую границу между внутренним и внешним в политике. Его проект политического реализма — это ответвление понимающей социологии, сфокусированное на одном идеальном типе и одной ценности, а именно на политике и *power*. Основное действующее лицо здесь человек, который совершает осмысленные действия и вступает во властные отношения. В этом контексте психологический взгляд на *power* имеет смысл, особенно с учетом представлений Моргентау о природе человека, побуждающей его тем или иным образом преодолевать собственные границы. Согласно Моргентау, осознание своей конечности во времени и пространстве толкает человека на попытки трансценденции, в том числе путем контакта с Другим. Властные отношения, в которых содержание воли одного индивида определяет содержание воли другого, являются доступным суррогатом подлинного общения²¹.

²¹ Morgenthau 1962: 247—251.

Однако мы почти не находим у Моргентау указаний на то, как данный подход мог бы работать применительно к государствам. Важно отметить, что Моргентау — последовательный методологический индивидуалист, реальным существованием в его глазах обладают лишь физические индивиды со своей психикой, человеческой природой и т.п. О государствах же он пишет: «Нация не является эмпирической вещью... когда мы в эмпирическом смысле говорим о власти или о внешней политике нации, мы говорим о власти или о внешней политике индивидов, принадлежащих к нации»²². Это важное замечание, поскольку в таком случае предлагаемое Моргентау определение *power* не применимо к государству непосредственно, но всегда касается конкретных людей или групп, выступающих от его имени.

²² Morgenthau 1997: 117.

Моргентау сознательно не проводит каких-либо разграничений между властными отношениями внутри государств и силовой политикой на международной арене; более того, он прямо утверждает, что схожие рассуждения о могуществе или внешней политике государств *de facto* суть рассуждения о могуществе конкретных индивидов, составляющих эти государства²³. Не случайно в посвященном *national power* разделе «Политических отношений между народами» он уделяет немалое внимание тому, как подавленное внутригосударственными институтами стремление людей к господству находит выражение и удовлетворение в силовом противостоянии государств²⁴, еще раз подчеркивая единство политики на всех уровнях.

²³ Ibidem.

²⁴ Ibid.: 118—119.

При всей убедительности и даже известной красоте построений Моргентау подобный взгляд на власть/могущество чреват серьезными проблемами. Во-первых, государства не однородны с точки зрения убеждений и устремлений их жителей. Соответственно, если четко сле-

довать подходу Моргентау, то исследователю придется всякий раз разбираться в хитросплетениях внутренней политики всех интересующих его государств, чтобы оценить, кто из политиков окажется лицом, принимающим решение, и как он будет воспринимать угрозы и требования других государств. Похоже, что такая перспектива не вдохновляет и самого Моргентау, поскольку в разделе о компонентах *national power* он рассуждает о государствах, как если бы они были целостными сущностями, обладающими военной силой, ресурсами и т.п. Единственная особенность его рассуждений — акцент на таких трудноизмеримых факторах, как качество дипломатии или управления, по-видимому призванных воплощать те самые связи отдельных индивидов в государственном аппарате. Во-вторых, неясный онтологический статус государства делает невозможным разговор о том, что есть его существование, а что — гибель, без знания того, как смотрят на это все лица, принимающие решения в конкретном государстве. Когда власть мыслится как противостояние двух волей, вопрос о существовании (то есть о возможности погибнуть в борьбе за власть) играет ключевую роль.

Таким образом, понятие *power* у Моргентау, будучи ясным и удобным в рамках сформулированных им шести принципов политического реализма, порождает огромное число сложностей при попытке использовать его при анализе межгосударственных отношений. Очевидно, что реалистская концепция Моргентау, представленная в «Политических отношениях между народами», требовала более тщательной проработки вопросов, связанных с онтологией государств и иных корпоративных акторов, и, возможно, введения дополнительного понятия власти применительно к международной сфере (подобно тому, как это сделано в «Мире и войне между народами» Арона).

Заключение

Суммируя вышесказанное, можно констатировать, что объяснения трансформации понятия власти/могущества в политическом реализме второй половины XX в. в терминах упрощения и идеологизации не имеют под собой оснований. Анализ воззрений наиболее влиятельных классических реалистов показывает, что понятие *power* изначально подразумевало скорее могущество, способность преодолевать сопротивление окружающего мира / других людей. «Цифровизация» определения *power* реалистами 1980-х годов означала не некую радикальную модификацию или подмену понятия, а просто попытку сделать его пригодным для использования количественных методов.

Но даже если «возвращение к корням» не решает задач, которые встают сегодня перед политическими реалистами, оно позволяет более точно сформулировать релевантные проблемы. Хотя обращение к работам Моргентау в поисках идеального определения *power* неизбежно оканчивается разочарованием, оно побуждает обратить внимание на онтологическое измерение политического реализма²⁵. В конечном счете изъяны понятия *power* у Моргентау связаны с вопросом о смыс-

²⁵ Подробнее см. Кучеренко 2021.

ле государства и способе его существования. Этот вопрос не был решен в структурном реализме, который предпочел проигнорировать его, выведя за скобки антропологические аспекты понятия власти и поставив во главу угла измеримые факторы могущества. Между тем вопрос о смысле и способе существования базовых элементов международной системы — это вопрос о том, какие угрозы могут считаться экзистенциальными и возможны ли вообще экзистенциальные угрозы тому, что не существует в подлинном значении этого слова. Переход от понятия власти к рассуждениям о национальном могуществе не снимает этой проблемы, поскольку состязание в военной или экономической силе все равно подразумевает экзистенциальные риски. Автор надеется на возрождение интереса к онтологическому измерению политического реализма, поскольку именно прояснение способа существования государства открывает путь к прояснению его ценности и ответственности.

Библиография

- Арендт Х. (2014) *О насилии*. М.: Новое издательство.
- Кожев А. (2006) *Понятие власти*. М.: Праксис.
- Кучеренко С.А. (2019) «Власть и насилие в реализме Ганса Моргентау» // *Социологическое обозрение*, т. 18, № 4: 320—333. URL: https://sociologica.hse.ru/data/2019/12/30/1511029027/SocOboz_18_4_320-333_Kucherenko.pdf (проверено 2.03.2023).
- Кучеренко С.А. (2021) «Существование государства как ценностная проблема в политическом реализме» // *Вопросы философии*, № 7: 5—16.
- Литвинов Я.В. и А.Г.Смирнова. (2021) «„Power“/„власть“: особенности интерпретации и перевода в политологическом контексте» // *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*, № 4: 14—20. URL: https://tidings.tsu.tula.ru/tidings/pdf/web/file/tsu_izv_humanities_2021_04_a.pdf (проверено 2.03.2023).
- Aron R. (2003) *Peace and War: A Theory of International Relations*. New Brunswick, London: Transaction Publishers.
- Ashley R.K. (1984) «The Poverty of Neorealism» // *International Organization*, vol. 38, no. 2: 225—286. URL: <http://rochelleterman.com/ir/sites/default/files/Ashley%201984.pdf> (accessed on 2.03.2023).
- Baldwin D.A. (2016) *Power and International Relations: A Conceptual Approach*. Princeton: Princeton University Press.
- Behr H. (2016) *History of International Political Theory: Ontologies of the International*. London: Palgrave Macmillan.
- Behr H. and F.Rösch. (2012) «Introduction» // Morgenthau H.J. *The Concept of the Political*. London: Palgrave Macmillan: 3—47.
- Carr E.H. (2016) *The Twenty Years' Crisis, 1919—1939: An Introduction to the Study of International Relations*. London: Palgrave Macmillan.
- Dahl R.A. (1957) «The Concept of Power» // *Behavioral Science*, vol. 2, no. 3: 201—215. URL: https://welcometorel.files.wordpress.com/2008/08/conceptpower_r-dahl.pdf (accessed on 2.03.2023).

- Garst D. (1989) «Thucydides and Neorealism» // *International Studies Quarterly*, vol. 33, no. 1: 3—27.
- Guzzini S. (1993) «Structural Power: The Limits of Neorealist Power Analysis» // *International Organization*, vol. 47, no. 3: 443—478. URL: https://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/23701/Guzzini_IO_1993_CUP.pdf (accessed on 2.03.2023).
- Lebow R.N. (2008) *A Cultural Theory of International Relations*. New York: Cambridge University Press.
- Mearsheimer J.J. (2003) *The Tragedy of Great Power Politics*. New York: W.W.Norton & Company.
- Morgenthau H.J. (1962) «Love and Power» // *Commentary*, vol. 33, no. 3: 247—251.
- Morgenthau H.J. (1997) *Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace*. Singapore: McGraw-Hill.
- Smith M.J. (1986) *Realist Thought from Weber to Kissinger*. Baton Rouge: Louisiana State University Press.
- Walt S.M. (2002) «The Enduring Relevance of the Realist Tradition» // Katznelson I. and H.Milner, eds. *Political Science: State of the Discipline*. New York: W.W.Norton & Company: 197—234.
- Waltz K.N. (1979) *Theory of International Politics*. Reading (Mass): Addison-Wesley Publishing Company.
- Williams M.C. (2005) *The Realist Tradition and the Limits of International Relations*. New York: Cambridge University Press.

ПОЛИТ

²⁶ This work presents the results of the project “Law and ethics: relation and mechanisms of mutual influence” carried out within the Basic Research Program at the HSE University in 2022.

Sergey A. Kucherenko — Ph.D. Candidate at the School of Philosophy and Cultural Studies, Faculty of Humanities; Intern Researcher at the Center for Fundamental Studies, HSE University. E-mail: oldjeffrey93@gmail.com.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the transformation of the concept of power in political realism. In recent decades, the International Relations Theory has witnessed an emerging consensus about the nature of this transformation. According to an increasingly popular point of view, classical realists, primarily Hans Morgenthau, interpreted power as power

S.A.Kucherenko

THE CONCEPT OF POWER AND ITS TRANSFORMATION IN POLITICAL REALISM²⁶

relationships between two individuals that have psychological and normative dimensions. The reform of realism by Kenneth Waltz and other structuralists stripped power of these dimensions, turning it into quantifiable material might.

Critics of structural realism interpret such a rethinking as impoverishment and erosion of the concept, fraught with dangerous consequences for the International Relations Science. In their eyes structural realism is nothing more than a disguised ideology of power politics, which could and should be overcome by returning to the roots of the realist tradition and using classical concepts, which are supposedly richer and deeper.

The study shows that the transformation of the concept of power can be explained by the objective rather than ideological reasons: in the era of quantitative methods, attempts to define power as something immeasurable were perceived as a rejection of “scientific”. At the same time, classical realism itself already contained the prerequisites for such interpretation of power, which was largely viewed as a might. In comparison to the general theory, Morgenthau's approach to the definition of this concept slightly stands out, but is not fundamentally different. At the same time, Morgenthau's concept of power in its original formulation is poorly applicable as an analytical tool, revealing a number of contradictions and difficulties associated with the ontological dimension of the project of political realism.

Keywords: power, might, International Relations Theory, political realism, Hans Morgenthau

References

- Arendt H. (2014) *O nasilii* [On Violence]. Moscow: Novoe izdatel'stvo. (In Russ.)
- Aron R. (2003) *Peace and War: A Theory of International Relations*. New Brunswick, London: Transaction Publishers.
- Ashley R.K. (1984) “The Poverty of Neorealism” // *International Organization*, vol. 38, no. 2: 225–286. URL: <http://rochelleterman.com/ir/sites/default/files/Ashley%201984.pdf> (accessed on 2.03.2023).
- Baldwin D.A. (2016) *Power and International Relations: A Conceptual Approach*. Princeton: Princeton University Press.
- Behr H. (2016) *History of International Political Theory: Ontologies of the International*. London: Palgrave Macmillan.
- Behr H. and F.Rösch. (2012) “Introduction” // Morgenthau H.J. *The Concept of the Political*. London: Palgrave Macmillan: 3–47.
- Carr E.H. (2016) *The Twenty Years' Crisis, 1919–1939: An Introduction to the Study of International Relations*. London: Palgrave Macmillan.
- Dahl R.A. (1957) “The Concept of Power” // *Behavioral Science*, vol. 2, no. 3: 201–215. URL: https://welcometorel.files.wordpress.com/2008/08/conceptpower_r-dahl.pdf (accessed on 2.03.2023).
- Garst D. (1989) “Thucydides and Neorealism” // *International Studies Quarterly*, vol. 33, no. 1: 3–27.

Guzzini S. (1993) “Structural Power: The Limits of Neorealist Power Analysis” // *International Organization*, vol. 47, no. 3: 443–478. URL: https://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/23701/Guzzini_IO_1993_CUP.pdf (accessed on 2.03.2023).

Kozhev A. (2006) *Ponjatije vlasti* [The Concept of Power]. Moscow: Praxis. (In Russ.)

Kucherenko S.A. (2019) “Vlast’ i nasilie v realizme Gansa Morgentau” [Power and Violence in the Realism of Hans J. Morgenthau] // *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review], vol. 18, no. 4: 320–333. URL: https://sociologica.hse.ru/data/2019/12/30/1511029027/SocOboz_18_4_320-333_Kucherenko.pdf (accessed on 2.03.2023). (In Russ.)

Kucherenko S.A. (2021) “Sushchestvovanie gosudarstva kak tsennostnaja problema v politicheskom realizme” [Existence of State as a Value Problem in Political Realism] // *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy], no. 7: 5–16. (In Russ.)

Lebow R.N. (2008) *A Cultural Theory of International Relations*. New York: Cambridge University Press.

Litvinov Ya.V. and A.G.Smirnova. (2021) “„Power“/„vlast“: osobennosti interpretatsii perevoda v politologicheskom kontekste” [“Power”/“Authoriry”: Features of Interpretation and Translation in a Political Science Context] // *Izvestija Tul’skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [The Bulletin of Tula State University. Humanities], no. 4: 14–20. URL: https://tidings.tsu.tula.ru/tidings/pdf/web/file/tsu_izv_humanities_2021_04_a.pdf (accessed on 2.03.2023). (In Russ.)

Mearsheimer J.J. (2003) *The Tragedy of Great Power Politics*. New York: W.W.Norton & Company.

Morgenthau H.J. (1962) “Love and Power” // *Commentary*, vol. 33, no. 3: 247–251.

Morgenthau H.J. (1997) *Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace*. Singapore: McGraw-Hill.

Smith M.J. (1986) *Realist Thought from Weber to Kissinger*. Baton Rouge: Louisiana State University Press.

Walt S.M. (2002) “The Enduring Relevance of the Realist Tradition” // Katznelson I. and H.Milner, eds. *Political Science: State of the Discipline*. New York: W.W.Norton & Company: 197–234.

Waltz K.N. (1979) *Theory of International Politics*. Reading (Mass): Addison-Wesley Publishing Company.

Williams M.C. (2005) *The Realist Tradition and the Limits of International Relations*. New York: Cambridge University Press.